

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Валерий Николаевич КОНЫШЕВ^{a,*}, Александр Иванович КУБЫШКИН^b,
Александр Анатольевич СЕРГУНИН^c

^a доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
konyshev06@mail.ru

^b доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
kubyshkin.alexander@gmail.com

^c доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
sergunin60@mail.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Принята 23.04.2015

Одобрена 14.05.2015

УДК 327.7

Ключевые слова: ООН,
миротворчество, защита
гражданского населения,
«обязанность защищать»

Аннотация

Предмет. Предметом исследования являются особенности миротворческих операций, проводимых под руководством ООН. Известно, что в ходе миротворческих операций зачастую не удается предотвратить жертв среди гражданского населения. При этом традиционные функции миротворчества по разделению враждующих сторон стали недостаточными и фактически получили расширительное толкование. Остро встал вопрос о пределах и методах вмешательства в дела государств, которые относятся к сфере внутренней политики и защищены правом суверенитета.

Цель. Основная цель статьи состоит в выявлении концептуальных, институциональных и практически-политических факторов, послуживших причиной провала многих миротворческих миссий.

Методология. В статье проанализированы причины обострения проблемы защиты гражданского населения: характер современных войн, носящих форму «внутренней войны», участие в конфликтах негосударственных вооруженных формирований, сознательное превращение гражданского населения в объект насилия. Изучены исторические корни и эволюция содержания концепции «обязанность защищать», которая предложена взамен дискредитированной «гуманитарной интервенции». Отмечены попытки США и их союзников по НАТО по-своему интерпретировать эту концепцию, использовать ее для смещения неудобных им режимов. Таким образом, миротворчество на практике нередко служит прикрытием для реализации других политических целей.

Результаты. Сделан вывод, что на уровне ООН необходимо выработать общий для всех концептуальный аппарат, который позволял бы определить необходимость защиты гражданского населения. Требуется дальнейшего уточнения концепция ООН «обязанность защищать» для предотвращения политизации концепции миротворчества в интересах отдельных государств, произошедшее расширение функций миротворчества требует выработки критериев эффективности миссий. Показана необходимость усовершенствования механизма взаимодействия ООН и региональных организаций, привлекаемых для миротворчества.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

Характер современных войн и военных конфликтов диктует настоятельную необходимость в особом внимании к защите гражданского населения в условиях военных действий. Практика показывает, что за последние несколько десятилетий риски для гражданского населения в периоды военных конфликтов существенно возросли. Повышение

внимания мирового сообщества к проблеме защиты гражданского населения было связано с тем, что в ходе выполнения миротворческих миссий ООН в Руанде, Сомали и Боснии не удалось ни предотвратить, ни остановить начавшиеся массовые репрессии (и даже геноцид) в отношении мирного населения этих стран. На фоне этих провалов

в настоящее время начинаются обсуждения возможной миротворческой операции на Украине.

С особой остротой встает вопрос об изменении характера и методов осуществления миротворческих операций, которые перестали достигать своих целей. Традиционные функции миротворчества, сводившиеся в основном к разъединению конфликтующих сторон и контролю за соблюдением мирных соглашений, уже не соответствуют широкому спектру проблем, которые необходимо решать миротворцам – «от обеспечения безопасной окружающей среды до гарантий прав человека и реформирования государств» [1, 2]. Не менее острым остается и вопрос о том, как и какими средствами (включая военно-силовые) международное сообщество должно реагировать на проблемы, традиционно относящиеся к внутренней политике государств и освященные международным правом – принципом невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Отражением этой тенденции в миротворческой деятельности ООН стало появление, начиная с 1999 г., в мандатах Совета Безопасности ООН на осуществление миротворческих операций формулировки типа «предоставить защиту гражданским лицам от неминуемой угрозы физического насилия». Со временем сложилась целая концепция, получившая название «обязанность защищать» (далее – ОЗ)¹.

Защита гражданского населения стала считаться чуть ли не главной задачей миротворческих операций под эгидой ООН. Смена акцента была связана со стремлением добиться повышения легитимности действий миротворцев в глазах местного населения и независимых наблюдателей. Кроме того, предупреждение/прекращение репрессий создавало бы основу для соблюдения мирных договоренностей между конфликтующими сторонами и формирования легитимных в глазах населения правительственных органов. Наконец, успешная защита населения призвана укрепить пошатнувшийся авторитет ООН и самой идеи миротворчества [2].

В настоящее время ООН в сотрудничестве с региональными организациями проводит 16 миротворческих операций, в которых участвует помимо гражданского персонала более 97,5 тыс. военных специалистов (воинские контингенты, полицейские силы, военные наблюдатели) из 122

¹ В английском варианте эта концепция именуется *Responsibility to Protect (R2P)*.

стран [3], что само по себе усложняет организацию и управляемость этой деятельностью. В результате ООН и миротворческие контингенты сталкиваются с рядом проблем концептуального, организационного и практически-политического характера, которые обсуждаются в данной статье.

Причины роста внимания ООН к обеспечению безопасности гражданского населения

Современные военные конфликты неизбежно связаны с возрастанием рисков для безопасности гражданского населения. Этот процесс во многом связан с тем, что конфликты все чаще носят характер так называемых «внутренних войн». На фоне общего роста количества военных конфликтов в мире, начиная с 1992 г., наблюдается значительное снижение количества войн между государствами [4]. Внутренние войны, имеющие в том числе признаки гражданской войны, отличаются отсутствием четкой территориальной локализации военных действий, активным вовлечением в конфликт гражданского населения и применением тактики повстанческих и асимметричных действий. Особенно важно обратить внимание на активное участие в этих конфликтах негосударственных или квазигосударственных субъектов политики, в частности:

- вооруженных отрядов общественных движений;
- радикальных политических и этно-религиозных организаций;
- террористических и преступных организаций;
- иностранных частных военных компаний;
- формирований спецслужб иностранных государств.

Их участие в военных действиях объективно создает условия для нарушения тех международных норм, которые ориентированы на государство как главного субъекта мировой политики и международного права и, соответственно, призваны защищать гражданское население (Гаагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция 1949 г. и Дополнительные протоколы к Женевской конвенции 1977 г.). Следует отметить, что международно-правовая база для привлечения к ответственности за преступление против гражданского населения еще недостаточно разработана в части определения таких важных юридических понятий, как «военный преступник», «выполнение преступного приказа», «преступное бездействие командиров», «военная необходимость», «репрессалии» (карательные

меры за нарушение правил войны) [5]. Есть и более общая юридическая коллизия, которая состоит в том, что, с одной стороны, международное право ориентировано на запрет применения силы, с другой – пытается регламентировать ее применение [6].

Отметим также, что не только негосударственные акторы, но и государства и международные организации также нередко делают своей мишенью гражданское население. Как показывает опыт конца XX – начала XXI вв., войны, которые ведутся под флагами «гуманитарных интервенций», глобальной борьбы с терроризмом или распространением оружия массового поражения, также чреваты большими жертвами среди гражданского населения. Так, в 1999 г. силы НАТО, действовавшие под руководством США, намеренно разрушали объекты жизнеобеспечения в Белграде, чтобы вызвать недовольство населения режимом С. Милошевича. В 2004 г. армия Израиля проводила карательную операцию в Газе, разрушив 80 домов и уничтожив 110 граждан, чтобы настроить местное население против боевиков «Хамас», которые укрывались в этом районе. В 2014 г. ситуация повторилась в еще больших масштабах: счет велся уже на сотни разрушенных домов и погибших, а также тысячи раненых. Американские бомбардировки в Ираке в 2003–2004 гг. городов Самарры и Эль-Фалуджи также были направлены на то, чтобы настроить гражданское население против политических руководителей государства [7]. Проводившаяся летом 2014 г. нынешним украинским режимом карательная акция на юго-востоке страны, официально называвшаяся «антитеррористической операцией», также была нацелена на терроризирование гражданского населения и разрушение городской инфраструктуры Донецка, Луганска, Горловки и других населенных пунктов с тем, чтобы восстановить местных жителей против ополченцев.

Целью подобных атак все чаще становится «социальный капитал» государства, т.е. гражданское население. Конечно, после печального опыта XX в. большие жертвы среди населения при ведении войн не являются новостью. Они сопровождали и войны, которые велись в колониях, и противоповстанческие операции внутри государств. Однако по большей части жертвы были «побочным продуктом» военных действий против регулярных сил противника. Теперь же насилие против гражданских лиц становится неотъемлемой частью военных кампаний, которое планируется заранее как часть военной тактики. Насилие в отношении женщин и детей, этнические

чистки служат для дегуманизации врага, его деморализации и облегчения дальнейшей эскалации конфликта. В конфликтах в Уганде, Афганистане, Пакистане, Восточном Тиморе, Демократической Республике Конго, Руанде женщин и детей использовали не только как «вспомогательный персонал» по обеспечению боевых действий, но и принуждали их непосредственно к участию в войне. Торговля своими же соотечественниками служит источником финансирования боевых действий и закупок оружия, как это практикуют, например, повстанцы Непала [8].

В условиях гражданской войны государство нередко вынуждено применять меры военного насилия против собственных граждан. Геноцид по этническому признаку в Руанде в 1994 г. поставил ООН перед сложной проблемой – посланные с миротворческой миссией войска не смогли остановить массовые убийства, поскольку война была квалифицирована как гражданская. Эта ситуация порождает еще одно противоречие – между суверенным правом государства на внутреннее насилие и правом человека на жизнь и свободу. Возникшая коллизия нашла отражение в словах бывшего Генерального секретаря НАТО Кофи Аннана: *«Если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на ситуацию в Руанде или в Сребренице, как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?»* [9].

Запад попытался ответить на это «гуманитарной интервенцией» в Югославии, которая была предпринята НАТО в 1999 г., несмотря на то, что она противоречила нормам международного права и была осуществлена без санкции Совета Безопасности ООН. Однако большая часть международного сообщества осудила как саму эту акцию, так и подобный вариант «гуманитарной интервенции».

Тем не менее проблема обеспечения безопасности мирного населения в ходе военных конфликтов осталась и требовала своего решения мировым сообществом. Современная практика показывает, что в большинстве конфликтов жертвы среди гражданского населения намного превосходят потери личного состава регулярных вооруженных сил, доходя до 80–90% (против 50% в годы Второй мировой войны) [4, 7]. В одной из резолюций ООН было отмечено, что целенаправленные действия против гражданских лиц со стороны участников

конфликта создают угрозу не только личностной, но и международной безопасности [10].

Наряду с указанными выше объективными причинами, обусловившими повышение внимания ООН к проблеме защиты гражданского населения, имелись и другие факторы, способствовавшие актуализации этого вопроса в рамках данной организации. В частности, США и их союзники по НАТО пытались в полной мере воспользоваться ситуацией фактической однополярности в 1990-е гг. и перестроить миротворческую деятельность ООН в соответствии со своими геополитическими интересами. Под эгидой «гуманитарных интервенций» они пытались устранить неугодные им режимы по всему миру, а ООН должна была стать прикрытием их интервенционистских планов.

Смеждународно-правовой точки зрения, настойчивые попытки США и НАТО узаконить «гуманитарные интервенции» в деятельности ООН могут быть расценены как стремление англосаксонской правовой доктрины (*common law*) – с ее акцентом на правах личности (подчас в ущерб интересам государства и общества) и праве прецедента – «потеснить» континентальное (наполеоновое) право, лежащее в основе Устава ООН и считающее государство главным субъектом международного права. Таким образом, необходимость защиты гражданского населения в условиях конфликтов была для Запада лишь поводом для девальвации таких базовых принципов международного права, как соблюдение государственного суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ государств, невмешательство во внутренние дела государств и пр. Причем, эта девальвация имела односторонний характер: Запад оставлял за собой право решать, когда можно пожертвовать указанными принципами и организовать «гуманитарную интервенцию» в развивающихся и постсоциалистических странах, в то время как в отношении самого Запада эти принципы оставались незыблемыми. Как будет видно далее, эти попытки не увенчались успехом, поскольку другие влиятельные страны мирового сообщества (прежде всего Россия и КНР) и многие развивающиеся страны заблокировали подобные инициативы.

Убедившись в бесплодности своих попыток прямо пересмотреть Устав ООН, западные страны попытались трансформировать концепцию «гуманитарной интервенции» в ее более «мягкую» версию – ОЗ. Спекулируя на реальной проблеме – настоятельной необходимости защищать мирное население в участвовавших международных и

внутренних конфликтах – западным странам все-таки удалось протолкнуть эту концепцию через ООН, где она была закреплена специальной резолюцией 2005 г. В 2009 г. данная концепция получила свое развитие в докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна (эволюция доктрины ОЗ будет рассмотрена подробнее в следующем разделе статьи).

Следует отметить, однако, что концепция ОЗ имеет настолько расплывчатое определение в доктринальных документах ООН, что дает основания для достаточно произвольной ее трактовки. Как показали события в Ливии, Ираке, Сирии и других странах, где Запад инициировал «цветные революции», США и их союзники по НАТО продолжают интерпретировать ОЗ в духе концепции «гуманитарных интервенций», т.е. используют необходимость защиты гражданского населения в качестве предлога для свержения неугодных им режимов, насаждения псевдомократии и расширения своего присутствия в стратегически важных регионах мира. Неслучайно английскую аббревиатуру данной концепции – R2P – критики этой доктрины предпочитают расшифровывать не как *responsibility to protect* (обязанность защищать), а как *right to punish* (право наказывать).

Таким образом, повышенное внимание ООН к проблеме защиты мирного населения в условиях военных конфликтов было вызвано сочетанием довольно противоречивых факторов – как объективных (рост числа жертв среди гражданских лиц, беженцев, участвовавшие случаи геноцида и этнических «чисток»), так и субъективных (геополитические устремления западных стран, страдающих навязчивой идеей распространения демократии по всему миру). Необходимость вмешательства со стороны мирового сообщества в ситуации, чреватые гуманитарной катастрофой, получила концептуальное закрепление в виде доктрины ОЗ. Рассмотрим более подробно содержание этой концепции и ее историческую эволюцию за последние полтора-два десятилетия.

«Обязанность защищать»: эволюция концепта

Как уже отмечалось, концепция ОЗ восходит своими корнями к доктрине «гуманитарной интервенции», однако в содержательном смысле они существенно отличались друг от друга. Если основной целью концепции ОЗ, по крайней мере официально, является защита гражданского населения в условиях военных конфликтов, то в случае с «гуманитарными интервенциями» во главу угла ставилась защита

прав человека и различных меньшинств перед лицом злоупотреблений как со стороны властей, так и негосударственных акторов. При этом западные страны оставляли за собой право определять содержание понятий «права человека» и «права меньшинств», а также критерии, когда ситуация с нарушением этих прав достигает критического уровня.

Доктрина «гуманитарной интервенции» отражала внешнеполитическое кредо наиболее радикальной версии западного неолиберализма 1990-х гг., считавшего, что нужно «подстегнуть» третью (по С. Хантингтону – авт.) волну демократизации» в мире и ускорить падение всех оставшихся недемократических режимов. Существование последних воспринималось как некий вызов либерально-демократической модели мироустройства, о чьей победе было объявлено после окончания «холодной войны» и крушения системы социализма. Считалось, что в борьбе с последними «бастионами» авторитаризма и тоталитаризма все средства хороши. Там, где не помогали методы «публичной дипломатии» или торгово-экономические санкции, шли в ход «гуманитарные интервенции» или «цветные революции».

Обоснование права на «гуманитарную интервенцию» началось в западной юридической и политологической литературе неолиберального характера еще на закате «холодной войны» [11]. В начале 1990-х гг. различные исследователи под воздействием эскалации гражданских и межгосударственных распрей, насилия этнического и религиозного характера ввели новые термины: «интервенция в гуманитарных целях», «интервенция по причинам гуманитарного характера», «право демократической интервенции», либо ссылались на право «чрезвычайной гуманитарной защиты или помощи». Потом и вовсе стали говорить об обязанности обеспечить такую помощь без ссылки на правовые основания – даже если не было получено согласие правительства затрагиваемого государства, в котором имели место серьезные и систематические нарушения прав человека [12].

Рубежной для изменения позиции ООН по вопросу о допустимости «гуманитарных интервенций» считается резолюция Совета Безопасности № 688 от 05.04.1991, которая разрешала союзным силам, действовавшим против режима С. Хусейна, создавать в Ираке зоны безопасности и запрета для полетов в целях защиты гражданского населения.

Ревизия принципа невмешательства во внутренние дела государств, допускающих массовые нарушения прав человека, была продолжена ООН по инициативе ее Генерального секретаря Бутроса Бутроса-Гали. В своем ежегодном докладе Генеральной Ассамблее в 1991 г. он заявил: «Сейчас как никогда осознается, что принцип невмешательства во внутреннюю компетенцию государств не должен рассматриваться в качестве защитного барьера, за которым систематически безнаказанно нарушаются права человека. Тот факт, что в различного рода ситуациях ООН не была способна предотвратить жестокость, не может расцениваться в качестве аргумента правового или морального характера против необходимых действий по изменению ситуации, особенно при угрозе миру» [13].

Эта линия была продолжена следующим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, который, собственно говоря, и ввел термин ОЗ в политический лексикон ООН. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи в 1999 г., он призвал мировое сообщество к «ответственности по защите» мирного населения от бедствий войны в соответствии с нормами международного права [14].

В сентябре 2000 г. была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, в состав которой вошел и представитель от России – В.В. Лукин. Ее члены попробовали проанализировать основания для легитимации «гуманитарных интервенций» и представили на рассмотрение генерального секретаря и членов Организации Объединенных Наций доклад «Обязанность защищать» (2001). Международные эксперты подтвердили значимость государственного суверенитета, отметив, что суверенитет следует толковать как ответственность государств по защите населения в своих границах. Отказавшись от использования термина «гуманитарная интервенция» в пользу понятия «обязанность защищать», они сместили центр тяжести дискуссий с интересов других государств – их права на вмешательство – на интересы пострадавших от войн и насилия гражданских лиц, которые их государство или, в случае его неспособности или нежелания, международное сообщество государств обязаны обеспечивать [13].

В докладе 2001 г. были выделены шесть принципов легитимного военного вмешательства:

1) *надлежащие полномочия* – кто может дать полномочия на военное вмешательство. В докладе

было подчеркнуто, что только Совет безопасности ООН является легитимным органом, имеющим право санкционировать военные интервенции в гуманитарных целях. Региональные организации могут предпринимать такие операции только с разрешения и по поручению Совета;

- 2) *справедливое дело* – какова должна быть степень ущерба для оправдания военного вмешательства. Вмешательство может считаться оправданным, если имеют место крупномасштабные человеческие жертвы, связанные с этническими чистками или геноцидом, и если в этих условиях государство бездействует – сознательно или по причине его недееспособности;
- 3) *благое намерение* – вмешательство должно быть направлено в первую очередь на помощь населению, а не на смену существующего строя;
- 4) *крайнее средство* – применение силы должно быть осуществлено только в том случае, если были исчерпаны все невоенные варианты отражения данной угрозы (политические, дипломатические, юридические и экономические);
- 5) *соразмерность* – масштаб, продолжительность и интенсивность военного вмешательства должны быть минимально необходимыми для обеспечения достижения поставленной гуманитарной цели;
- 6) *вероятность успеха* – военная акция может быть оправдана только в том случае, если существует обоснованный шанс достичь успеха, т.е. прекращения или предотвращения жестокостей и страданий, которые в первую очередь и стали причиной вмешательства извне [13].

В 2005 г. эти критерии вошли в итоговый документ всемирного саммита ООН и были приняты главами 105 государств и правительств в качестве своих добровольных обязательств. В резолюции саммита был официально закреплен принцип «обязанности защищать» гражданское население. Он устанавливает ответственность государства за защиту населения от геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и этнических чисток [15]. Если же конкретное государство не может или не желает этого делать, то другие государства, получив мандат ООН, обязаны вмешаться, а при необходимости использовать военную силу. Концепция «обязанность защищать» получила дальнейшее развитие в специальном докладе Пан Ги Муна, опубликованном в январе 2009 г. и целиком посвященном данной проблематике [16].

Защита гражданского населения: от теории к практике

Особенностью современных миротворческих операций является участие в них не только учреждений ООН и приданных им сил и средств, но также государств и региональных организаций. Расширяется и арсенал методов действий миротворцев, которые не только реагируют на возникший кризис, но и пытаются предупреждать его мерами сдерживания. Однако миротворцы, которые с 1999 г. получают мандат на осуществление мер по защите гражданского населения (например, миссия ООН в Сьерра-Леоне), сталкиваются с рядом серьезных трудностей. В результате, как отмечается в докладе генерального секретаря ООН за 2009 г., значительного прогресса за минувшее десятилетие достигнуто не было, и основной жертвой военных конфликтов по-прежнему остается гражданское население [17].

Говоря о причинах такого положения, следует указать на различия в понимании миротворцами из разных стран проблем безопасности, целей конкретной миссии и способов ее осуществления. До сих пор не существует единых подходов и к трактовке таких понятий, как круг обязанностей миротворца, кого нужно защищать и от каких угроз, что считать законным в условиях гражданского конфликта. Документы ООН, служащие руководством для миротворческих операций, не обозначают четких критериев, кого относить к гражданскому населению. В сложных случаях миротворцам предписывается определять на месте – кто есть кто [18].

Показательно в этой связи и то, что даже в стенах ООН термин «защита» трактовался двояко: и как обеспечение норм Женевских конвенций и протоколов, и как физическая защита гражданских лиц от военных атак. Практика показывает, что в настоящее время мандат на конкретные миссии по защите гражданского населения может содержать самый широкий перечень действий, но, как отмечается в одном из докладов экспертов ООН, «миротворческие операции не могут защитить всех и от всего» [2].

При всех расхождениях участники миротворческих операций должны тесно взаимодействовать между собой, иначе их общая миссия просто не будет успешно выполнена [19]. Эти сложности усугубляются необходимостью обеспечить военно-гражданское взаимодействие и сотрудничество между миротворцами, с одной стороны, и с полицейскими силами, неправительственными

организациями и гражданскими властями, действующими на местах, а также региональными организациями – с другой. Между тем, каких-то универсальных моделей, правил и механизмов подобного сотрудничества, которые послужили бы руководством для планирования и организации миротворческих миссий ООН в дальнейшем, пока выработать не удалось [19].

При этом сама концепция «обязанность защищать» вызывает споры и неоднозначные оценки. По существу, она стала заменой для так и не сникшей популярности концепции «гуманитарной интервенции». Критики отмечают, что нарушение суверенитета под предлогом защиты прав человека стало возможным, потому что Запад разделяет мир на «цивилизованные» и «нецивилизованные» государства. Сомнительна и легитимность решений об интервенции, поскольку они фактически отдаются на откуп элитам западных государств. По этой причине вполне объяснимо критическое отношение к концепции «обязанность защищать» со стороны России и Китая, которые опасаются внешнего вмешательства под предлогом защиты западных ценностей, не все из которых они разделяют [20].

Эта проблема ярко проявилась в миротворческой операции в Демократической Республике Конго (начата в 1999 г.), когда мандат СБ ООН предполагал самые широкие полномочия как раз по защите населения, включая применение военной силы. Причем, главные задачи были возложены на военных, общая численность которых на 2008 г. составляла более 19 тыс. чел. К совместным операциям были также привлечены вооруженные силы Конго и национальные полицейские формирования. Однако конголезские военные и полицейские сами были замешаны в репрессиях против гражданского населения в регионах, откуда были вытеснены повстанцы. Некоторые их представители вообще считали, что дело не в расширении военных операций, а в том, что государство ДРК не в состоянии обеспечить им денежное довольствие. Именно поэтому между национальными силами и миротворцами ООН не возникло общего понимания относительно целей и способов действий, им так и не удалось организовать оперативное взаимодействие. Более того, силы ООН даже обвиняли в том, что они сами разжигают конфликт [21]. Кроме того, опыт операций в Конго, Кот-д'Ивуар и Южном Судане говорит о том, что ООН не всегда имеет достаточно материальных ресурсов для выполнения подобных

миссий. В частности, не хватает гражданских экспертов для того, чтобы создавать и поддерживать местные государственные институты. Кроме того, поскольку конфликтующие стороны стремятся использовать новейшие военно-технические средства, военные контингенты ООН нуждаются в дополнительном оснащении беспилотными летательными аппаратами (дронами) и вертолетами [22]. Проблема нехватки ресурсов усугубляется экономическим кризисом, из которого так и не вышли ни США, ни страны ЕС.

Отсутствие четкой правовой и концептуальной базы о целях и механизмах миротворческой операции ведет к тому, что решения в рамках ООН по спасению гражданского населения зачастую принимаются избирательно. На основе статистического анализа интервенций, проведенных под эгидой ООН, исследователи отмечают, что в одних случаях явно превалирует гуманитарная мотивация по защите людей, а в других – фактически были реализованы интересы третьих государств, которые использовали мандат СБ ООН для интервенции. В то же время неэффективность превентивных мер по защите гражданского населения требует укрепления именно нормативной составляющей в принятии решений [23].

Однако эта тенденция хотя и отвечает духу ООН, сама по себе она не гарантирует от возможных политических манипуляций, когда гуманитарные цели используются для легитимации внешних интервенций во имя национальных интересов отдельных государств. Красноречивый пример представляет собой принятие решения СБ ООН по Ливии в 2011 г., которое предписывало создать бесполетную зону для ливийской авиации в целях защиты мирного населения от репрессий режима М. Каддафи. Само решение было принято в специфических условиях: при непопулярности М. Каддафи на Западе, существовании согласия по этому поводу между США и ЕС и желании быстро разрешить проблему. В своей резолюции ООН осудила ливийское правительство за преступления против граждан в общем виде, а на практике от обеспечения бесполетной зоны авиация НАТО сразу перешла к бомбардировкам той части Ливии, которую контролировал режим М. Каддафи. При этом пилоты вынуждены были на свой страх и риск определять цели для нанесения ударов, о чем пишут офицеры американских ВВС, действовавших в Северной Африке [24]. В результате такой «реализации» концепции «обязанность защищать»

в Ливии массово гибло гражданское население, а М. Каддафи был свергнут и убит. Сегодня уже очевидно, что именно свержение и ликвидация режима М. Каддафи и было истинной целью операции, а вовсе не гуманитарные цели ООН.

Развивается и еще одна тенденция институционального характера, способная усложнить планирование и проведение миротворческих операций, включая защиту гражданского населения. Если миротворчество зарождалось под эгидой ООН, то со временем эти функции стали брать на себя региональные организации, опираясь на положения главы 8 Устава ООН, где говорится о поощрении СБ ООН региональных инициатив и региональных организаций в деле поддержания безопасности. С этих позиций в 1992 г. ОБСЕ объявила, что будет развивать собственные возможности по предотвращению конфликтов, в том числе подготовку к миротворческим операциям. Тут же НАТО, опираясь на расширительную трактовку безопасности, данную в ее стратегической концепции 1991 г., заявила о поддержке миротворческой деятельности ОБСЕ. Западно-европейский союз (ЗЕС), Африканский союз (АС), Организация американских государств (ОАГ), Содружество независимых государств (СНГ) также подтвердили, что их деятельность подразумевает ведение гуманитарных и спасательных операций, урегулирование кризисов и миротворчество. И хотя все региональные организации разделяют идею сотрудничества с ООН, в их подходах проявились различия, которые создают потенциал для возникновения проблем институционального характера.

Особенность миротворческих операций, проводимых ОБСЕ, состоит в том, что они ограничены территориями стран – участниц самой организации, а решение об интервенции принимается на основе консенсуса. Содержательно операции ориентированы на политические и гуманитарные аспекты помощи и урегулирования, а принуждение, как метод урегулирования, в целом ряде случаев просто отвергалось. Важно, что ОБСЕ всегда стремилась сохранять статус равноудаленного участника при разрешении конфликта.

В свою очередь, ОАГ настаивает, что она не собирается быть «простым исполнителем» решений, принимаемых ООН или другими организациями. Согласно этой позиции, суверенные государства свободны в создании региональных организаций, в установлении пределов их компетенций, целей и принципов деятельности, механизмов

взаимодействия с другими организациями, включая ООН. Главное и единственное ограничение – соответствие деятельности региональных организаций целям Устава ООН.

НАТО (и ЗЕС до своего ухода с политической арены) на практике также выступали за относительно самостоятельную роль в сфере миротворчества, опираясь на тезис о неповторимости конфликтов, требующих гибкого механизма взаимодействия с ООН. При этом НАТО считает возможным проводить миротворческие операции вне зоны своей формальной ответственности (североатлантический макрорегион). Политическое решение принимает Совет НАТО, и операция может проводиться либо самостоятельно, либо в рамках коалиций государств (без ООН и ОБСЕ), либо как исполнитель под эгидой ООН.

В СНГ миротворчество осуществляется по согласию между заинтересованными государствами, входящими в содружество. Формально предусматривается получение мандата ООН, но на практике этого не было. При этом использование военной силы допускается только по решению СБ ООН. В практике СНГ к операциям привлекаются контингенты не только нейтральных, но и конфликтующих сторон, однако финансовое обеспечение и выполнение миссий лежит в основном на российской стороне.

И лишь АС, не имея достаточных собственных ресурсов, считает, что ООН должна выполнять роль глобальной организации, обеспечивая финансовую, военную, материальную и логистическую поддержку деятельности АС. В свою очередь, функция АС сводится к вспомогательной, призванной помочь миротворцам ООН учесть местную историческую и культурную специфику [25].

Помимо концептуальных расхождений, существует и проблема оперативного взаимодействия региональных организаций и ООН. Примером служит миссия в Чаде и Центрально-Африканской Республике (2007 г.), которую нельзя считать полностью успешной из-за того, что силы, предоставленные ЕС, оказались готовы выполнить лишь краткосрочную операцию стабилизации. На практике же требовались долгосрочные усилия, включая не только военный компонент, но и комплексные меры по защите гражданского населения. В ряде случаев процесс принятия решения ЕС о направлении миротворцев затруднен разногласиями между государствами, что не позволило оперативно реагировать на внезапное

обострение кризиса, как это было в случае с Конго в 2008–2009 гг. [26]. МИД Финляндии по поводу итогов миссии ООН в сирийском кризисе 2011–2013 гг. г. прямо заявил о провале ООН и кризисе доверия к этой организации [27].

Можно видеть, что многие западно-европейские государства (Франция, Великобритания, Италия, Испания) не очень-то склонны к активным действиям за пределами своего региона за исключением бывших колоний. Государства Северной Европы традиционно делают акцент на оказании социально-экономической помощи, а не решении проблем безопасности [28].

Еще одна проблема связана с тем, что и гуманитарная помощь, и участники операций ООН по защите населения нередко сами становятся объектами для нападения. Отсюда появились новые формы защиты, такие как создание «гуманитарных коридоров» для доставки гуманитарной помощи. Также требуют защиты персонал, привлеченный к гуманитарным операциям, оборудование и имущество. При этом нередко серьезные нарушения прав человека практикуются именно теми, кто призван защищать людей – самими миротворцами. Известны случаи продажи женщин в сексуальное рабство из лагерей беженцев, охраняемых миротворцами, а также пытки, изнасилования и убийства, которые зафиксированы в Мозамбике, Анголе, Камбодже и Косово. Эти факты в немалой степени компрометируют миротворчество под эгидой ООН [29, 30].

На фоне обсуждаемых проблем далеко не случайно возникает вопрос о критериях эффективности миротворческих операций и взаимодействии ООН с региональными организациями. В этой связи показателен опыт проведения операции в Восточном Тиморе (1999, 2002–2006 гг.), когда, по собственным оценкам ООН, мандат был полностью выполнен, и официально миссия считалась вполне успешной. В течение нескольких лет работало вновь созданное государство под патронажем ООН, однако всплеск насилия в 2006 г. проявил недовольство не только сложившейся внутренней ситуацией, но и действиями ООН, получившими ярлык «неоколониализма». Видимо, успех миссии должен оцениваться не только выполнением задач, записанных в мандате СБ ООН по урегулированию кризиса, но и политическими последствиями этих действий.

Опыт миротворческих операций показывает, что существуют серьезные проблемы по взаимодействию региональных организаций и ООН. Наиболее

характерной стала деятельность НАТО в Косово (1999 г.), когда был заложен опасный прецедент. Войска НАТО, составившие ядро «миротворческих сил», применили военную силу, не получив санкцию СБ ООН. Как настаивают западные эксперты, это был «особый случай», а применение силы было лишь «технически нелегитимным», но справедливым [31]. Совершенно очевидно, что такая позиция подрывает основы международного права и просто выводит ООН «из игры». Отсюда не случайным выглядят действия натовских и еэсовских «миротворцев» по защите национальных меньшинств. Вместо защиты «миротворцы» проводили эвакуацию неалбанского населения из Косово в Сербию, помогая реализовать планы албанских лидеров по созданию «этнически чистого» Косова, а также содействовали Освободительной армии Косово в актах прямого насилия над неалбанским населением, что и привело к гуманитарной катастрофе [32].

Защита гражданского населения в ходе военных конфликтов приобретает все большее значение в миротворческой деятельности ООН. На планирование и проведение миссий ООН влияет множество факторов международного, регионального и локального характера. В то же время до сих пор не выработан общий понятийно-терминологический и концептуальный аппарат, который позволял бы четко определять, когда возникает необходимость в защите гражданского населения, а также пределы силового воздействия, параметры сотрудничества военных и гражданских структур, способы взаимодействия национальных и региональных организаций с организационными структурами и военными контингентами, выделяемыми ООН.

Неоднозначность трактовок проблем защиты гражданского населения в условиях военного конфликта чревата политизацией миротворчества: тезис о необходимости обеспечения безопасности людей может служить лишь прикрытием для реализации интересов государств, использующих для интервенции флаг ООН. Именно так складывается ситуация с международным терроризмом, когда отсутствие единого для всех международно-правового определения не позволяет организовать совместную борьбу с этим злом. Аналогичное положение возникает и с антизападными режимами, которые становятся объектом интервенций со стороны стран-«миротворцев» под предлогом защиты прав человека и национально-религиозных меньшинств. Нелишне отметить, что практика интервенций в защиту прав человека провоцирует

рост сепаратизма в «проблемных» странах, стимулируя радикальные группы на обострение конфликтов в надежде на победу с помощью миротворческих сил [33].

Значительное расширение функций миротворчества требует пересмотра как критериев оценки эффективности операций, так и методов их планирования и организации. Последние пока больше ориентированы на традиционные задачи миротворчества (разделение враждующих сторон, принуждение к миру, контроль за соблюдением неприменения оружия) и выполнение мандата СБ ООН в этой части. Расширение же мандата действий миротворцев в рамках концепции «обязанность защищать» в условиях отсутствия ее четкого понимания и согласованности действий приводит к значительному снижению эффективности операций.

Особенно важно дальнейшее развитие и углубление взаимодействия ООН с региональными

организациями, однако эффективные механизмы их практического взаимодействия пока не разработаны. В итоге их совместная деятельность строится по принципу *ad hoc* (т.е. для данного конкретного случая), что удерживает эти организации от самостоятельного участия в крупных миротворческих операциях за пределами зон региональной ответственности. По большей части они склонны просто делегировать свои контингенты в рамках миссий, формируемых и направляемых непосредственно ООН. И, наоборот, такая, по сути дела, региональная организация, как НАТО, объявляет зоной своей глобальной ответственности фактически весь мир. При этом миротворчество НАТО во многих регионах мира воспринимается как нежелательное или даже враждебное. В этой связи представляется актуальным сохранить в вопросах миротворчества главенствующую роль ООН, создав при этом достаточно универсальный, но гибкий механизм взаимодействия с региональными организациями.

Список литературы

1. Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета «Ответственность по защите». URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf?OpenElement>.
2. *Holt V., Taylor G., Kelly M.* Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009. 384 p.
3. Peacekeeping Facts Sheet. URL: <http://un.org/en/peacekeeping/resources/statistics/factsheet.shtml>.
4. Human Security Report 2009/2010: The causes of Peace and the Shrinking costs of War (Simon Fraser University). New York: Oxford University Press, 2011. 184 p.
5. *Сулъдин Ю.И.* Права спасателей и населения в военных конфликтах // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2012. Т. 2. № 2. С. 813–817.
6. *Саунина Е.В.* Международные военные конфликты. URL: [http://unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0195_West_pravo_2000_1\(2\)/24.pdf](http://unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0195_West_pravo_2000_1(2)/24.pdf).
7. *Панова В.В.* Современные западные исследования международного конфликта. URL: <http://intertrends.ru/seven/005.htm>.
8. *Ерохина Л.Д.* Формы эксплуатации населения в условиях военных конфликтов: военная проституция и торговля // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 106–117.
9. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27.03.2000. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/389/00/IMG/N0038900.pdf?OpenElement>.
10. United Nations Security Council resolution 1296 on protection of civilians in armed conflict. S/RES/1296. April 2000. URL: <http://refworld.org/docid/3b00efb824.html>.
11. *Ronzitti N.* Rescuing Nationals Abroad Through Military Coercion and Intervention on Grounds of Humanity. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1985. 219 p.
12. *Танья Г.* Гуманитарная интервенция и гуманитарная помощь: эхо прошлого и перспективы. URL: <http://evolutio.info/content/view/193/49>.

13. Report of the Secretary-General on the Work of the Organization. General Assembly Official records: 46th session supplement No. 1 (A/46/1). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N91/409/73/IMG/N9140973.pdf?OpenElement>.
14. Справочная информация: ответственность по защите. URL: <http://un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml>.
15. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24.10.2005. URL: <http://refworld.org.ru/topic,51dc05fd4,,478626ea2,0,,,html>.
16. Implementing Responsibility to Protect. Report of the Secretary-General. A/63/677. 12 January 2009. URL: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/EEF9DE1F698AA70D8525755100631D7C>.
17. Report of the Secretary-General on the Protection of Civilians in Armed Conflict, UN Security Council, S/2009/277, 29 May 2009. URL: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/2065AF26477374AF852575E0003EF04E>
18. *Williams P.* Protection, Resilience and Empowerment: UN Peacekeeping and Violence against Civilians in Contemporary War Zones // *Politics*. 2013. Vol. 33. № 4.
19. *Rolfe J.* Partnering to Protect: Conceptualizing Civil-Military Partnership for the Protection of Civilians // *International Peacekeeping*. 2011. Vol. 18. № 5. P. 561–576.
20. *Лабюк О.* «Ответственность за защиту» и право на вмешательство. URL: <http://intertrends.ru/eighteenth/007.htm>.
21. *McMahan J.* The ethics of international intervention / *Ethics and International Affairs*. Ed. By A. Ellis. Manchester: Manchester University Press, 1986. P. 24–51.
22. A New Partnership Agenda: Charting a New Horizon for UN Peacekeeping, Department of Peacekeeping Operations and Department of Field Support, New York, July 2009. URL: <http://un.org/en/peacekeeping/documents/newhorizon.pdf>.
23. *Hultman L.* UN peace operations and protection of civilians: cheap talk or norm implementation? // *Journal of Peace Research*. 2013. Vol. 50. № 1. P. 59–73.
24. *Woodward M., Morrison Ph.* The responsibility to Protect: the Libya Test Case // *Joint Force Quarterly*. 2013. № 71. P. 20–24.
25. *Yamashita H.* Peacekeeping cooperation between the United Nations and regional organizations // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. № 1. P. 165–179.
26. EUFOR in Chad and CAR. URL: <http://iiss.org/en/publications/strategic%20comments/sections/2008-9832/eurfor-in-chad-and-car-0823>.
27. Финляндия готова принять участие в миротворческой миссии в Сирии. URL: <http://fontanka.fi/articles/11870>.
28. *Воронов К.В.* Миротворчество стран Северной Европы: ответы на вызовы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 12. С. 57–68.
29. Доклад Специального докладчика г-жи Радхики Кумарасвами по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях на 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека (2001), E/CN.4/2001/73. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Rviolenceagainstwomenreport2001.html>.
30. *Морозов Ю.В.* Миротворчество как инструмент стабилизации обстановки // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2003. Вып. 7. С. 4–8.
31. *Frank T.* Recourse to force. State Action Against Threats and Armed Attacks. New York: Cambridge University Press, 2002. 220 p.
32. Меморандум Правительства Союзной Республики Югославия. 17.04.2000. URL: <http://pravda.ru/news/world/17-04-2000/907288-0>.
33. *Кокошин А.А.* Феномен глобализации и интересы национальной безопасности // *Внешняя политика и безопасность России*. 1991–2001. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002. С. 37–56.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Threats and Security

PROTECTION OF CIVILIANS AS PART OF THE UN PEACEKEEPING OPERATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Valerii N. KONYSHEV^{a,*}, Aleksandr I. KUBYSHKIN^b, Aleksandr A. SERGUNIN^c

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
konyshev06@mail.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
kubyshkin.alexander@gmail.com

^c St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
sergunin60@mail.ru

*Corresponding author

Article history:

Received 23 April 2015

Accepted 14 May 2015

Keywords: UN, peacekeeping, civilians, protection, responsibility to protect

Abstract

Importance The research examines the specifics of the UN peacekeeping operations. Peacekeeping campaigns often cause civilian casualties, with conventional peacekeeping functions of separating the belligerent parties being insufficient and actually acquiring a widened interpretation. This draws attention to methods and limits of interfering into affairs of the States that relate to the domestic policy, being protected with their sovereignty.

Objectives The main objective of the research is to find conceptual, institutional, practical and political factors that cause the failure of many peacekeeping missions.

Methods The article reviews reasons for escalating the issue of civilian protection: the nature of contemporary wars that may be qualified as ‘cold wars’, involvement of non-governmental armed groups in conflicts, deliberate conversion of civilians into victims of violence. We trace historical roots and trails and the evolution of *the responsibility to protect* concept and its substance, which is suggested to supersede the discredited concept of *humanitarian intervention*. We note attempts of the USA and its NATO allies to disseminate their own understanding and interpretation of the concept, using it for ousting undesirable regimes. Therefore, peacekeeping, in fact, more often than not, is an excuse for pursuing other political goals.

Conclusions and Relevance We conclude that, the UN should forge a common conceptual framework that would determine the need to protect the civilian population. The UN concept of the responsibility to protect should be further specified and clarified in order to prevent the peacekeeping concept from absorbing any political connotations that would be beneficial for some States. As the peacekeeping process acquires new roles, efficiency criteria of missions should be elaborated. We prove the need to improve and enhance the mechanism for liaison of the UN and regional organizations engaged for peacekeeping purposes.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty on the Responsibility to Protect. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf?OpenElement>. (In Russ.)
2. Holt V., Taylor G., Kelly M. Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York, United Nations, 2009, 384 p.
3. Peacekeeping Fact Sheet. Available at: <http://un.org/en/peacekeeping/resources/statistics/factsheet.shtml>.
4. Human Security Report 2009–2010: The Causes of Peace and the Shrinking Costs of War. New York, Oxford University Press, 2011, 184 p.
5. Sul'din Yu.I. Prava spasatelei i naseleniya v voennykh konfliktakh [Rights of rescuers and population in armed conflicts]. *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya = Civil Protection Strategy: Issues and Research*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 813–817.

6. Saunina E.V. *Mezhdunarodnye voennye konflikty* [International military conflicts]. Available at: [http://unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0195_West_pravo_2000_1\(2\)/24.pdf](http://unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0195_West_pravo_2000_1(2)/24.pdf). (In Russ.)
7. Panova V.V. *Sovremennye zapadnye issledovaniya mezhdunarodnogo konflikta* [Contemporary Western researches into the international conflict]. Available at: <http://intertrends.ru/seven/005.htm>. (In Russ.)
8. Erokhina L.D. Formy ekspluatatsii naseleniya v usloviyakh voennykh konfliktov: voennaya prostitutsiya i trgovlya [Forms of the civil population's involvement into military conflicts: military prostitution and trade]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2009, no. 3, pp. 106–117.
9. We the Peoples: the Role of the United Nations in the Twenty-First Century. Report of the Secretary-General on the 54th Session of the UN General Assembly, March 27, 2000. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/389/00/IMG/N0038900.pdf?OpenElement>. (In Russ.)
10. United Nations Security Council Resolution 1296 on Protection of Civilians in Armed Conflict, S/RES/1296. April, 2000. Available at: <http://refworld.org/docid/3b00efb824.html>.
11. Ronzitti N. *Rescuing Nationals Abroad Through Military Coercion and Intervention on Grounds of Humanity*. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1985, 219 p.
12. Tanja G. *Gumanitarnaya interventsiya i gumanitarnaya pomoshch': ekho proshlogo i perspektivy* [Humanitarian Intervention and Humanitarian Assistance: An Echo from the Past and a Prospect from the Future]. Available at: <http://evolutio.info/content/view/193/49>. (In Russ.)
13. Report of the Secretary-General on the Work of the Organization. General Assembly Official records: 46th Session Supplement no. 1, A/46/1. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N91/409/73/IMG/N9140973.pdf?OpenElement>. (In Russ.)
14. *Spravochnaya informatsiya: Otvetstvennost' po zashchite* [Reference: the Responsibility to Protect]. Available at: <http://un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml>. (In Russ.)
15. 2005 World Summit Outcome Document: Resolution Adopted by the UN General Assembly on October 24, 2005. Available at: <http://refworld.org.ru/topic,51dc05fd4,,478626ea2,0,,,html>. (In Russ.)
16. Implementing Responsibility to Protect. Report of the Secretary-General, A/63/677. 12 January, 2009. Available at: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/EEF9DE1F698AA70D8525755100631D7C>.
17. Report of the Secretary-General on the Protection of Civilians in Armed Conflict, UN Security Council, S/2009/277, May 29, 2009. Available at: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/2065AF26477374AF852575E0003EF04E>.
18. Williams P. Protection, Resilience and Empowerment: United Nations Peacekeeping and Violence against Civilians in Contemporary War Zones. *Politics*, 2013, vol. 33, no. 4.
19. Rolfe J. Partnering to Protect: Conceptualizing Civil-Military Partnership for the Protection of Civilians. *International Peacekeeping*, 2011, vol. 18, no. 5, pp. 561–576.
20. Labyuk O. *“Otvetsvennost' za zashchitu” i pravo na vmeshatel'stvo* [The ‘Responsibility to Protect’ and the right to intervene]. Available at: <http://intertrends.ru/eighteenth/007.htm>. (In Russ.)
21. McMahan J. The Ethics of International Intervention. In: *Ethics and International Affairs*. Ed. By A. Ellis. Manchester, Manchester University Press, 1986, pp. 24–51.
22. A New Partnership Agenda: Charting a New Horizon for UN Peacekeeping. New York, Department of Peacekeeping Operations and Department of Field Support, 2009. Available at: <http://un.org/en/peacekeeping/documents/newhorizon.pdf>.
23. Hultman L. UN Peace Operations and Protection of Civilians: Cheap Talk or Norm Implementation? *Journal of Peace Research*, 2013, vol. 50, no. 1, pp. 59–73.
24. Woodward M., Morrison Ph. The Responsibility to Protect: the Libya Test Case. *Joint Force Quarterly*, 2013, no. 71, pp. 20–24.
25. Yamashita H. Peacekeeping Cooperation between the United Nations and Regional Organizations. *Review of International Studies*, 2012, vol. 38, iss. 1, pp. 165–179.

26. EUFOR in Chad and CAR. Available at: <http://iiss.org/en/publications/strategic%20comments/sections/2008-9832/eurfor-in-chad-and-car-0823>.
27. *Finlyandiya gotova prinyat' uchastie v mirotvorcheskoi missii v Sirii* [Finland is ready to participate in the peacekeeping mission in Syria]. Available at: <http://fontanka.fi/articles/11870>. (In Russ.) (accessed 29.09.2013)
28. Voronov K.V. *Mirotvorchestvo stran Severnoi Evropy: otvety na vyzovy* [Peacekeeping of Northern Europe countries: Responses to challenges]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2011, no. 12, pp. 57–68.
29. Report of the Special Rapporteur Ms. Radhika Coomaraswamy on Violence against Women, its Causes and Consequences at the 57th session of the UN Commission on Human Rights, 2001, E/CN.4/2001/73. Available at: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Rviolenceagainstwomenreport2001.html>. (In Russ.)
30. Morozov Yu.V. *Mirotvorchestvo kak instrument stabilizatsii obstanovki* [Peacekeeping as a stabilization tool]. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy = European Security: Events, Estimates, Forecasts*, 2003, no. 7, pp. 4–8.
31. Frank T. *Recourse to Force. State Action Against Threats and Armed Attacks*. New York, Cambridge University Press, 2002, 220 p.
32. *Memorandum Pravitel'stva Soyuznoi Respubliki Yugoslaviya* [Memorandum of the Government of the Republic of Yugoslavia]. Available at: <http://pravda.ru/news/world/17-04-2000/907288-0>. (In Russ.) (accessed 17.04.2000)
33. Kokoshin A.A. *Fenomen globalizatsii i interesy natsional'noi bezopasnosti. V kn.: Vneshnyaya politika i bezopasnost' Rossii* [The phenomenon of globalization and national security interests. In: Foreign policy and national security of contemporary Russia. 1991–2001]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, vol. 1, pp. 37–56.